

УДК 332.14:331.556

DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2026/3/2150>

Шифр специальности ВАК: 5.4.7

Стратегии регионального регулирования труда мигрантов в России

С.В. Ровбель^{1✉}, А.И. Николаев²

¹ Новосибирский государственный университет экономики и управления,

Российская Федерация, г. Новосибирск

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

Российская Федерация, г. Москва

✉rovbel_s@mail.ru

Аннотация. Активное использование регионами России права устанавливать запреты на привлечение к труду иностранных работников, осуществляющих деятельность на основании патентов, стало масштабной, но слабо изученной практикой. На фоне рекордно низкого уровня общероссийской безработицы и структурного дефицита кадров возникает противоречие между потребностью экономики в мигрантах и растущими региональными ограничениями. **Цель:** с использованием эмпирических данных выявить и типологизировать стратегии регионального регулирования труда иностранных работников, осуществляющих деятельность в соответствии с патентами. Задача заключалась в построении объяснительной модели, раскрывающей причины вариативности регуляторных подходов в субъектах РФ. **Методы:** стратегия обоснованной теории в трактовке А. Страусса и Дж. Корбин. Эмпирическую базу составили нормативные акты (постановления глав регионов) за 2024–2026 гг. и статистические данные о социально-экономическом развитии восьми субъектов РФ за 2024–2025 гг. Анализ данных включал три этапа кодирования (открытое, осевое, избирательное). **Результаты:** выявлены три устойчивые стратегии регионального регулирования: «точечное регулирование в целях общественной безопасности и управляемости» (избирательные запреты в социально-чувствительных сферах); «системная политика протекционизма на рынке труда» (масштабные ограничения, включая системообразующие отрасли, ради кадрового суверенитета); «точечная политика протекционизма на рынке труда» (адаптивные, осторожные запреты, учитывающие уязвимость региональной экономики). Показано, что различия между стратегиями связаны с масштабом запретов, включением или исключением системообразующих отраслей, а также с динамикой расширения перечня отраслей в пределах федеральных ограничений. Исследование носит корреляционный характер и не оценивает экономическую эффективность запретов. Уникальность работы заключается в применении процедур обоснованной теории для генерации новой теоретической модели, объясняющей региональные миграционные политики через систему взаимосвязанных условий, контекстов и стратегий действий органов власти. Работа вносит вклад в социологию управления, предлагая типологию регуляторных инструментов, которая может быть использована для прогнозирования и осуществления мер, направленных на снижение социальной напряженности и адаптацию рынка труда к миграционным вызовам.

Ключевые слова: исследовательская стратегия, миграционная политика, обоснованная теория, патент на работу, протекционизм, региональное регулирование, рынок труда, трудовые мигранты

Конфликт интересов: отсутствует.

Вклад авторов: Ровбель С.В. – концепция и дизайн исследования, подготовка и проверка текста; Николаев А.И. – сбор и обработка материалов, анализ полученных данных.

Использование средств ИИ: при подготовке статьи применялись средства искусственного интеллекта для языкового и стилистического редактирования, проверки структуры текста. Все полученные варианты были критически оценены, отредактированы и полностью верифицированы авторами.

Для цитирования: Ровбель С.В., Николаев А.И. Стратегии регионального регулирования труда мигрантов в России. *Векторы благополучия: экономика и социум*, 2026, Т. 54, № 3, С. 47–63. <https://doi.org/10.18799/26584956/2026/3/2150>

UDC 332.14:331.556

DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2026/3/2150>

Strategies for regional regulation of migrant labor in Russia

S.V. Rovbel^{1✉}, A.I. Nikolaev²

¹ *Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation*

² *National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation*

✉ rovbel_s@mail.ru

Abstract. The active use by Russian regions of the right to impose bans on the employment of foreign workers holding patents has become a widespread but poorly understood practice. Against the backdrop of record-low nationwide unemployment and a structural labor shortage, a contradiction arises between the economy need for migrants and growing regional restrictions. **Aim.** To empirically identify and typologize the strategies of regional labor regulation concerning foreign workers employed on the basis of patents. The objective was to construct an explanatory model that reveals the reasons for the variability of regulatory approaches across the constituent entities of the Russian Federation. **Methodology.** Grounded theory approach as developed by A. Strauss and J. Corbin. The empirical base consists of regulatory acts (decrees of regional heads) for 2024–2026 and statistical data on the socio-economic development of eight Russian regions for 2024–2025. Data analysis involved three stages of coding (open, axial, selective). **Results.** The analysis identified three persistent strategies of regional regulation: 1) "Targeted regulation for public safety and manageability" (selective bans in socially sensitive areas); 2) "Systemic policy of labor market protectionism" (extensive restrictions, including in backbone industries, aimed at workforce sovereignty); 3) "Targeted policy of labor market protectionism" (adaptive, cautious bans that account for the vulnerability of the regional economy). It is shown that the differences between the strategies are related to the scope of bans, the inclusion or exclusion of backbone industries, and the dynamics of expanding the list within the limits of federal regulations. The study is correlational in nature and does not evaluate the economic effectiveness of the bans. The uniqueness of this research lies in applying grounded theory procedures to generate a new theoretical model that explains regional migration policies through a system of interrelated conditions, contexts, and strategies of government action. This work contributes to the sociology of management by offering a typology of regulatory instruments that can be used to forecast and design measures aimed at reducing social tensions and adapting the labor market to migration challenges.

Keywords: research strategy, migration policy, grounded theory, work patent, protectionism, regional regulation, labor market, migrant workers

Authors' Contributions: S.V. Rovbel – study concept and design, review and preparation of the text; A.I. Nikolaev – collection and processing of materials, analysis of the obtained data.

Conflict of Interest: The authors declare no conflicts of interest.

Use of AI: Artificial intelligence tools were used when preparing the article for linguistic and stylistic editing and for checking the text structure. All resulting versions were evaluated, edited, and fully verified by the authors.

For citation: Rovbel S.V., Nikolaev A.I. Strategies for regional regulation of migrant labor in Russia. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2026, vol. 54, no. 3, pp. 47–63. <https://doi.org/10.18799/26584956/2026/3/2150>

Введение

В условиях глобализации и изменения экономических и геополитических факторов обеспечение сбалансированной миграционной политики становится ключевой задачей современного государства. Как справедливо отмечают исследователи, современная миграционная политика представляет собой «целенаправленную деятельность государства для осуществления добровольного переселения тех или иных групп населения с одной территории на другую, и разработка при этом определенного набора административных и экономических мер, механизмов и инструментов, призванных добиваться поставленных стратегических задач внутригосударственных потребностей проводимых государством в миграционной сфере» [1, с. 88]. Мировой опыт, в частности пример Германии, демонстрирует риски нерегулируемой миграции, например рост социальной напряженности и формирование этнических анклавов при отсутствии интеграционной политики [2–4]. Для России актуальность вопроса миграционной политики возрастает на фоне рекордно низкой безработицы (2,5 % в 2024 г., а на конец 2025 г. данный показатель уменьшился до 2,2 % [5]) при сохраняющемся структурном дефиците кадров, усугубляемом демографическими вызовами и последствиями санкций [6].

Научный обзор

Запрос рынка труда носит двойственный характер, сочетая потребность в высококвалифицированных и низкоквалифицированных кадрах [7]. При этом, как отмечает М.А. Бурда, в ряде секторов (торговля, транспорт, общепит, образование, подбор персонала) труд мигрантов может замещаться внутренними ресурсами [7].

Структура миграционных потоков в Россию демонстрирует перекося в сторону низкоквалифицированной рабочей силы из стран Средней Азии. Подавляющее большинство (около 90 %) иностранных работников составляют выходцы из трех стран Средней Азии – Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана, причем их доля последовательно росла на протяжении последнего десятилетия [8]. В то же время привлечение высококвалифицированных специалистов (ВКС) остается ограниченным, причем после пикового значения в 2021 г. (около 44 тыс. разрешений на работу) последовало снижение до примерно 32 тыс. ВКС в 2023 г. Лидерами среди стран дальнего зарубежья в 2023 г. в группе высококвалифицированных специалистов был Китай (33 % РНР для ВКС), Турция (28 %), Индия (12 %), Южная Корея (3 %) и Сербия (2 %) [8]. Отметим, что проблема привлечения высококвалифицированных мигрантов актуальна не только для России. В условиях глобальной конкуренции за таланты формируются новые центры притяжения человеческого капитала, такие как страны Персидского залива и Юго-Восточной Азии, которые предлагают уникальные регуляторные режимы и возможности для карьерного роста [9].

Для преодоления этой диспропорции современная государственная миграционная политика России развивается в трех основных направлениях: ограничение и квотирование, адаптация и интеграция, а также цифровизация [10]. Ключевым механизмом в рамках первого направления выступает система квотирования, реализуемая на федеральном и региональном уровнях.

Данная система действует в первую очередь на основании Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», который закрепляет право субъектов РФ устанавливать ограничения на привлечение иностранной рабочей силы в целях защиты национального рынка труда¹. Ежегодно устанавливаемая Правительством РФ допустимая доля иностранных работников по видам экономической деятельности создает общие рамки, внутри которых регионы принимают собственные решения.

¹ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации. Федер. Закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/?ysclid=mt8anzyktp758557073 (дата обращения 11.10.2025).

На региональном уровне субъекты России активно используют право вводить дополнительные запреты на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов. Если в 2013–2016 гг. такие ограничения были единичными [11], то к середине 2024 г. эта практика охватила уже более 35 регионов.

Опубликованное Постановление Правительства Российской Федерации от 05.12.2025 существенно сокращает допустимую долю иностранной рабочей силы в ключевых отраслях². Так, в строительстве квота снижается до 50 %, в овощеводстве и лесном хозяйстве – до 40 %, в грузовых и пассажирских перевозках – до 24 %. Полностью запрещается труд мигрантов в розничной торговле алкоголем и табачными изделиями в специализированных магазинах (за исключением Москвы, где их доля не должна превышать 15 %), на рынках, в нестационарных торговых объектах и аптеках, что указывает на общий курс увеличения ограничений в миграционной политике.

Важно отметить, что экспертные оценки механизма региональных запретов являются дифференцированными. Как отмечает демограф Ю.Ф. Флоринская, трудовая миграция в России находится на минимальном уровне за последнее десятилетие (около 3–3,5 млн чел. против 6–7 млн чел. в 2013–2014 гг.), а региональные ограничения часто носят популистский характер и вводятся без предварительной экспертизы. При этом запреты касаются только мигрантов, работающих по патенту, но не распространяются на граждан стран ЕАЭС, что снижает их реальное воздействие на рынок труда [12].

Однако применение данного инструмента характеризуется значительной неравномерностью, что свидетельствует о несбалансированности использования региональных полномочий³. Хотя в научной литературе представлены отдельные примеры такой практики (например, М.А. Бурда приводит рейтинг регионов-лидеров по количеству установленных запретов: Краснодарский край – 91, Республика Саха-Якутия – 40 и пр.) [11], системное изучение их эффективности и региональной обусловленности отсутствует.

Методология исследования

Вследствие этого актуальным является исследование, направленное на комплексный анализ сложившейся практики установления региональных запретов на труд иностранных работников, выявление их эффективности и специфики в контексте обеспечения национальной безопасности и стабильности социально-экономического развития Российской Федерации.

Теоретико-методологической базой данного исследования выступает стратегия обоснованной теории в трактовке А. Страусса и Дж. Корбин. Исторически метод был разработан в 1960-х гг. социологами Б. Глейзером и А. Страуссом.

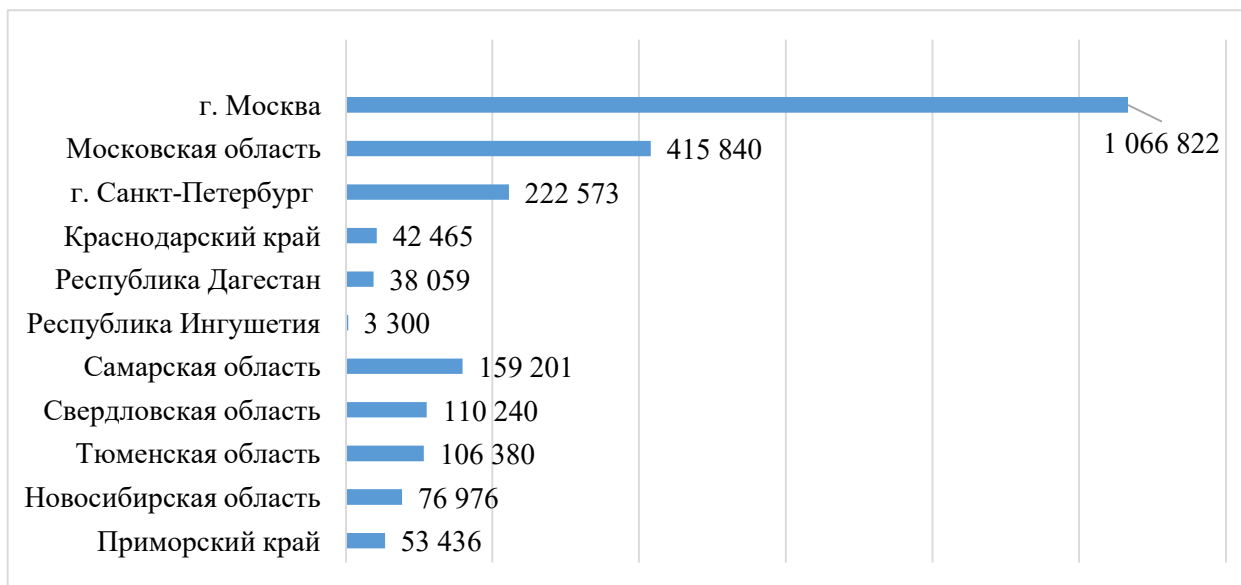
Данный подход был избран в связи с тем, что он позволяет на основе систематического анализа эмпирических данных выстроить теоретическую модель, объясняющую региональные вариации в практике установления запретов на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов. Ключевым принципом метода является спиралевидная цикличность исследования, при которой сбор данных, их кодирование и анализ тесно взаимосвязаны и проводятся одновременно, что позволяет последовательно уточнять категории и выявлять логику их взаимосвязей [13].

В соответствии с принципами обоснованной теории исследование построено на сравнительном анализе динамичной практики регулирования привлечения трудовых мигрантов восьми субъектов Российской Федерации, отобранных по принципу теоретической выборки.

² Об установлении на 2026 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности. Постановление Правительства РФ от 05.12.2025 № 1995. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512120034?ysclid=mt8aq7en5356143935> (дата обращения 16.03.2026).

³ Председатель ГД призвал региональные власти обратить внимание на вопрос стоимости патентов для трудовых мигрантов. URL: <http://duma.gov.ru/news/60403/> (дата обращения 03.10.25).

Целью отбора было не репрезентирование генеральной совокупности, а максимизация разнообразия изучаемого феномена – практики установления региональных запретов. Регионы отбирались целенаправленно по критериям значительного присутствия иностранной рабочей силы (рис. 1) и вариативности регуляторных подходов.

Источник: составлено по данным ЕМИСС [14]/Source: based on EMISS data [14].

Рис. 1. Среднегодовая численность иностранных работников по регионам, 2024 г., чел.

Fig. 1. Average annual number of foreign workers by regions, 2024, people

Первичный отбор основывался на принципе максимального разнообразия с географическим охватом (по одному региону из каждого федерального округа): Московская область (Центральный ФО), Санкт-Петербург (Северо-Западный ФО), Краснодарский край (Южный ФО), Республика Ингушетия (Северо-Кавказский ФО), Самарская область (Приволжский ФО), Тюменская область (Уральский ФО), Новосибирская область (Сибирский ФО), Приморский край (Дальневосточный ФО). При этом из-за отсутствия регуляторных подходов в Северо-Кавказском ФО выбрана Республика Ингушетия (как первый регион округа, инициировавший запреты в 2025 г.), а не лидер по численности мигрантов Дагестан. Аналогично в УрФО для анализа взята Тюменская область с активной ограничительной политикой, в отличие от Свердловской области.

Согласно данным RAEX, в 2024 г. положительное сальдо международной миграции наблюдалось только в 32 регионах из 85, причем более 60 % всех трудовых мигрантов концентрируются в Московской и Ленинградской агломерациях [15]. Эти данные подтверждают релевантность проведенного отбора, включившего как регионы с высокой привлекательностью для миграции (Московская область, Санкт-Петербург, Краснодарский край), так и регионы с миграционной убылью.

В процессе анализа, в соответствии с логикой обоснованной теории, осуществлена post-группировка кейсов с учетом выявленных категорий (уровень экономической уязвимости, масштаб запретов, включение системообразующих отраслей). Таким образом, географический принцип отбора не является теоретической выборкой в строгом смысле, но позволил обеспечить предварительное разнообразие для последующего сравнительного анализа.

Отметим, что авторы осознают, что включение контрастных кейсов, таких как практика Республики Ингушетия (с экстремально высоким уровнем безработицы – 25,5 % в 2025 г. [16]), требует осторожной интерпретации. В рамках данного исследования Республика Ингушетия

рассматривается как специфический кейс, который позволяет проверить границы применимости формирующейся модели, но не претендует на репрезентацию типичных регионов с дефицитом кадров. Выводы по данному региону не экстраполируются напрямую на другие субъекты, а используются для качественного обогащения типологии.

Сбор и анализ данных продолжались до момента достижения теоретического насыщения ключевых разрабатываемых категорий. При этом отмечается, что первоначальный географический принцип отбора не является теоретической выборкой в строгом смысле методологии А. Страусса и Дж. Корбин, поскольку насыщение достигалось на этапе группировки кейсов, а не на этапе их отбора.

Эмпирическую базу составили более 30 документов за 2024–2025 гг., включая постановления глав исследуемых регионов об установлении запретов, а также официальные отчеты и статистические бюллетени региональных органов власти, характеризующие социально-экономический контекст.

Анализ данных проводился в соответствии с процедурами обоснованной теории и включал последовательный процесс кодирования [17]:

1. Открытое кодирование нормативных актов. На первом этапе тексты постановлений подвергались качественному контент-анализу с выделением смысловых единиц и присвоением первичных кодов. В фокусе внимания находились: временные параметры введения запретов; структура регуляторного акта; длительность переходных периодов; механизмы контроля; порядок информирования общественности; дискурсивное обоснование ограничений; содержательная классификация запретов по их предполагаемой цели.

2. Осевое кодирование. На этом этапе производилась группировка первичных кодов в категории, их уточнение и установление взаимосвязей между ними. Параллельно анализировались вторичные статистические данные (данные Росстата, отчеты региональных органов власти) о социально-экономическом развитии отобранных субъектов. Это позволило установить связи между выделенными категориями региональной политики и количественными показателями.

3. Избирательное кодирование. Заключительный этап был направлен на интеграцию уточненных категорий в целостную теоретическую модель. На основе постоянного сравнительного анализа всех кейсов была выделена центральная (ядерная) категория и построена итоговая схема. Эта схема объясняет вариативность практики установления запретов через систему взаимосвязанных условий, контекстов, стратегий действий органов региональной власти и последствий этих действий.

Сочетание качественного контент-анализа нормативных актов с анализом количественных социально-экономических показателей дало возможность провести комплексное и многоуровневое исследование, обеспечившее непротиворечивость и обоснованность выводов. Такой дизайн позволил не только систематизировать разнородную региональную практику, но и выявить латентную логику регулирования (например, приоритет безопасности или защиты рынка труда), обусловленную спецификой экономики и социальными приоритетами каждого региона. В конечном итоге процедура направлена на генерацию обоснованной теоретической модели, объясняющей вариативность исследуемого феномена.

Результаты

В анализе учитывалось, что региональные постановления о запретах принимаются в контексте федеральных ограничений. Это означает, что любые региональные решения в данной сфере по определению вторичны по отношению к федеральным нормативным актам. Так, субъект РФ не может устанавливать запреты, выходящие за пределы, заданные федеральным центром. Следовательно, дальнейший анализ описывает не «автономные» региональные стратегии, а различия в способах конкретизации единых федеральных ограничений, то есть определение списка отраслей с ограничением труда мигрантов, возможное в рамках федеральных предписаний.

Московская область демонстрирует модель регулирования, которая стала исходной точкой для формирования первых концептуальных категорий. Открытое кодирование Постановления Губернатора Московской области от 16.09.2024 выявило устойчивый набор первичных кодов. Ключевыми из них стали: «отложенное введение запретов» (ограничения действуют только с 2025 г. при их отсутствии в 2024-м), «единый ежегодный нормативный акт», «сжатый адаптационный период для бизнеса» (около 3,5 месяцев с момента публикации), а также «персональный высокопоставленный контроль» на уровне первого заместителя председателя правительства области.

Содержательный анализ выявил код «узкий целевой перечень запретов», сконцентрированный на социально значимых видах деятельности, таких как розничная торговля алкоголем и табаком, уличная торговля и общепит, образование, здравоохранение, а также деятельность в сфере культуры и спорта.

Интеграция этих кодов с контекстуальными социально-экономическими данными, показывающими опережающий рост промышленности, строительства и инвестиций при буме на рынке жилья [18], позволила на этапе осевого кодирования обозначить первую аналитическую категорию – «точечное регулирование в социально-чувствительных сферах». Ее суть заключается в избирательной логике, при которой ограничения нацелены на секторы, повышающие уровень социальной напряженности и связанные с высокими рисками для общественной безопасности и культурного суверенитета. При этом системообразующие отрасли (массовое строительство, промышленное производство) сознательно остаются вне рамок запретов (код «осознание уязвимостей»).

Анализ нормативных актов на 2026 г. подтвердил устойчивость выявленной логики. Администрация области сохранила ранее установленный перечень запретов без изменений. Эта «нормативная стабильность», наблюдаемая на фоне сохраняющейся позитивной экономической динамики, служит эмпирическим подтверждением состоятельности первоначальной категории. Стабильность политики можно интерпретировать как результат успешной адаптации рынка труда и отсутствия негативных экономических последствий от первоначальных мер. Таким образом, категория «точечное регулирование в социально-чувствительных сферах» дополняется новым свойством – стратегической стабильностью, переходя от разовой меры к долгосрочной, воспроизводимой линии.

Анализ ситуации в Санкт-Петербурге проводился через призму постоянного сравнения с категорией, сформированной на основе кейса Московской области. Открытое кодирование постановлений города выявило значимые сходства: «отложенное введение запретов» (с 2025 г.), «сжатый адаптационный период» (около 3 месяцев) и «персональный высокопоставленный контроль». Однако ключевыми отличительными кодами стали «раздельное нормативное регулирование» (два постановления для такси и курьерской деятельности) и «механизм стратегического планирования» в виде поручения представить предложения на следующий год. Текст постановления также лишен развернутых пояснений, что кодируется как «лаконичный, директивный стиль».

Фокус внимания администрации города на такси и курьерской деятельности позволил определить «социально-чувствительные сферы» как сегменты, напрямую влияющие на безопасность и управляемость мегаполиса. Это уточнение, подкрепленное данными о росте реальных доходов населения и диверсифицированной экономике города [19], привело к усложнению исходной категории. Она была определена как «точечное регулирование в целях общественной безопасности и управляемости», что указывает на избирательность и приоритет контроля над социальными рисками, а не над рынком труда в целом. Также отметим код «осознание уязвимостей».

Анализ запрета на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, на 2026 г. закрепил «нормативную стабильность». Администрация Санкт-Петербурга сохранила перечень запретов, не расширяя его, и провела «нормативную консолидацию», заменив два постановления одним. Этот шаг можно интерпретировать как переход от пилотного тестирования к утверждению единой и стабильной политики. Таким

образом, оба столичных региона, несмотря на разные тактические подходы, пришли к схожей модели, указывающей на общую для экономически устойчивых мегаполисов логику использования запретов как точечного, долгосрочного инструмента социального управления. Данное наблюдение создает четкий концептуальный контраст для анализа следующих регионов.

Анализ практики регулирования в Краснодарском крае в рамках постоянного сравнения с уже сформированной категорией «точечное регулирование в целях общественной безопасности и управляемости» выявил принципиально иную логику, что потребовало выделения новой категории. Открытое кодирование двух ежегодных постановлений зафиксировало качественно иные первичные коды по сравнению со столичными регионами. Были выделены «раннее введение запретов» (ограничения действуют с 2024 г.), «единый ежегодный нормативный акт», «всеобъемлющий и расширяющийся перечень запретов» (85 видов деятельности в 2024 г. и 88 – в 2025 г.), «динамика сокращения переходных периодов» вплоть до символических сроков, «персональный высокопоставленный контроль», а также ключевой код «включение системообразующей отрасли». Так, с 2025 г. под запрет попала строительная отрасль, в которой сосредоточенно большое количество трудовых мигрантов (коды 41, 42, 43).

Группировка этих кодов на этапе осевого кодирования и их сопоставление с социально-экономическим контекстом позволили сформулировать новую категорию – «протекционистскую защиту рынка труда». Ее суть заключается в готовности к масштабным запретам, охватывающим широкие секторы экономики, включая те, что являются критически важными для региональной экономики. Это указывает на приоритет цели «трудова безопасность», несмотря на потенциальные экономические издержки. Контекстуальный анализ данных показал, что введение запрета в строительной отрасли сопровождалось последующей динамикой: в 2025 г., после введения ограничений, в строительстве наблюдался спад [20]. При этом в 2024 г. экономика края демонстрировала разнонаправленную динамику: рост в строительстве сочетался со снижением объемов сельскохозяйственного производства. На основании доступных данных невозможно однозначно утверждать, что спад стал прямым следствием именно запрета, однако хронологически ограничения предшествовали ухудшению показателей в отрасли.

Опубликованное постановление на 2026 г. показывает, что перечень запрещенных видов деятельности остался неизменным по сравнению с 2025 г. (88 позиций), включая ключевые отрасли, такие как строительство. Это позволяет говорить о «нормативной стабилизации»: после расширения запретов в 2025 г. регион не вводил новых ограничений. Таким образом, политика Краснодарского края может быть охарактеризована как «системный протекционизм на рынке труда», предполагающий масштабные запреты, затрагивающие, в том числе, системообразующие отрасли и долгосрочное закрепление ограничений в нормативных актах.

Анализ ситуации в Республике Ингушетия, как первого и единственного региона Северо-Кавказского федерального округа, который ввел запреты, был проведен через призму регулярного сопоставления с ранее выделенными категориями. Открытое кодирование указа Главы Республики Ингушетии от 11.03.2025 выявило характерный набор первичных кодов. К ним относятся: «отложенное введение запретов» (с 2025 г. при отсутствии в 2024-м), «единый ежегодный нормативный акт», «сокращенный адаптационный период» (2 месяца), а также «пробелы в административном регулировании», выражающиеся в отсутствии в тексте документа указаний на конкретный орган контроля и специальный порядок информирования. Содержательный анализ позволил выделить код «узкий целевой перечень запретов», включающий только четыре вида деятельности: легковое такси (код 49.32), уличную торговлю пищей (код 56.10.2), образование (код 85) и здравоохранение (код 86).

Осевое кодирование, интегрирующее эти нормативные коды с контекстуальными социально-экономическими данными, позволило выявить специфическую логику. Ключевым контекстом выступили коды «хронически высокая безработица» (25,5 % против 2,2 % по РФ) и «противоречивая экономическая динамика», выраженная в росте промышленного производства, инвестиций, вместе со спадом в стройиндустрии и значительным превышением убытков

[16]. Это обусловило иной вектор по сравнению со столичными регионами. Запреты в Ингушетии, оставаясь точечными, демонстрируют выраженный протекционизм, направленный на решение внутренних проблем рынка труда. Так, ограничение в сфере такси и торговли с передвижных средств нацелено на «защиту низкоквалифицированной занятости» в перспективных секторах, связанных с растущим туризмом. Запреты в образовании и здравоохранении отражают стратегию «кадрового суверенитета» в социально-чувствительных сферах. При этом показательным является код «осознание уязвимостей», поскольку запреты не были распространены на испытывающую спад строительную отрасль.

Таким образом, группа кодов, объединенная общей логикой ответа на внутреннюю социально-экономическую уязвимость, позволила сформулировать новую категорию – «точечная политика протекционизма в условиях социально-экономической уязвимости». Она отличается от «точечного регулирования в целях общественной безопасности и управляемости» ориентацией на защиту занятости в условиях высокого уровня безработицы, а от «системной политики протекционизма на рынке труда» – избирательностью и осторожностью установления запретов на труд мигрантов в экономических видах деятельности.

Исторически Ингушетия пережила несколько волн вынужденной миграции, что, по мнению А.К. Чапанова, сформировало чувствительность органов региональной власти к любым ограничениям, способным спровоцировать новые оттоки населения [21]. В этом контексте точечные запреты выглядят не столько антимигрантской мерой, сколько попыткой защитить локальный рынок труда без риска дестабилизации.

Постановление на 2026 г. не опубликовано, однако кейс Ингушетии выступает как «экстремальный», то есть проверяющий границы модели в условиях сверхвысокой безработицы.

Анализ практики регулирования в Самарской области выявил уникальную логику, углубляющую понимание протекционистского подхода. Открытое кодирование нормативных актов (три постановления в 2024 г. и одно в 2025 г.) позволило зафиксировать следующие коды: «раннее введение запретов», «раздельное нормативное регулирование» (три постановления Губернатора в 2024 г.), «нормативная консолидация» (в 2025 г. было одно постановление), «сжатый адаптационный период» для бизнеса (три месяца на протяжении двух периодов), «персональный высокопоставленный контроль».

Содержательный анализ выявил код «включение системообразующей отрасли», а также «всеобъемлющий и расширяющийся перечень запретов», охвативший 115 видов деятельности в 2025 г., включая блоки: транспорт и логистику, торговлю, социальные услуги и стратегические производства. При этом код «избирательное исключение» подразумевает сознательный вывод из-под запрета неквалифицированных профессий (дворники, уборщики), что указывает на прагматичный учет зависимости отдельных сегментов рынка труда от иностранной рабочей силы.

Осевое кодирование, интегрирующее эти нормативные коды с социально-экономическим контекстом, позволило сформулировать новую, усложненную категорию – «системный протекционизм со стратегическим приоритетом». Ее суть заключается в сочетании массовых ограничений в низкоквалифицированных секторах с целевой защитой кадрового суверенитета в отраслях, критически важных для экономической безопасности и технологического развития региона. Контекстуальный анализ данных выявил «неоднозначную экономическую ситуацию». В 2024 г. рост промышленности создал основу для принятия решения о введении мер, однако в 2025 г. индекс промышленного производства снизился. Также в 2025 г. наблюдалось резкое падение в производстве компьютеров и автотранспортных средств. Отметим спад в строительстве [22]. Это подтверждает гипотезу о различной адаптивности отраслей и сложном влиянии масштабных запретов.

Анализ постановления на 2026 г. выявил дальнейшее развитие выявленной логики. Перечень запрещенных видов деятельности расширился до 113 позиций. Расширение затронуло

социально-чувствительные сферы: под запрет на привлечение мигрантов к работе попала деятельность социальных столовых (код 56.29.4) и, что особенно важно, – деятельность по оказанию услуг по дневному уходу за детьми (код 88.91.9), что указывает на усиление протекционизма в социальной сфере. Ключевым изменением стала отмена кода «избирательное исключение». Ранее допускавшиеся исключения для низкоквалифицированных профессий (дворники, уборщики) в новом постановлении отсутствуют, что расширяет охват запретов на все сегменты рынка труда без исключений.

Таким образом, для кейса Самарской области характерна стратегия «системной политики протекционизма на рынке труда», нацеленная на защиту рынка труда в широком спектре отраслей, которая не только сохраняется, но и последовательно углубляется: от прагматичных исключений в 2025 г. регион переходит к тотальному запрету в 2026 г., демонстрируя приверженность курсу на кадровый суверенитет даже в условиях неоднозначной экономической динамики.

Анализ ситуации в Тюменской области демонстрирует модель, занимающую промежуточное положение между стратегией мегаполисов и системным протекционизмом. Открытое кодирование ежегодных постановлений (2024, 2025 гг.) выявило следующие первичные коды: «раннее введение запретов», «единый ежегодный нормативный акт», «сокращенный адаптационный период» (около 2 месяцев), «персональный высокопоставленный контроль». Код «поэтапное расширение перечня запретов» фиксирует эволюцию от узких к более комплексным запретам.

Содержательный анализ позволил детализировать код «узкий целевой перечень запретов». В 2024 г. ограничения были полностью сконцентрированы на транспортном комплексе (пассажирские перевозки, такси, грузоперевозки). В 2025 г. перечень был дополнен розничной торговлей табачными изделиями (код 47.26). Также был установлен код «включение системообразующей отрасли», поскольку запрет был установлен на труд мигрантов в производстве детского и диетического питания (код 10.86).

Осевое кодирование позволило сформулировать категорию «точечная политика протекционизма в условиях устойчивого роста». Суть категории заключается в использовании узкого списка запретов на привлечение иностранных работников в отрасли, которые не ставят под угрозу ключевые драйверы экономики. Контекстными условиями для такой модели выступили коды «устойчивый экономический рост» и «структурная перестройка промышленности» [23].

Анализ постановления Тюменской области на 2026 г. выявил код «поступательное расширение целевых запретов». К ранее установленным ограничениям добавились новые социально значимые сферы: деятельность по трудоустройству и подбору персонала, а также дошкольное, начальное и основное общее образование. Ключевые драйверы экономики (строительство, розничная торговля) остались вне ограничений, что подтверждает прагматичный подход и код «осознание уязвимостей». Таким образом, сравнительный анализ показывает, что «точечная политика протекционизма в условиях устойчивого роста» Тюменской области существенно отличается от «системной политики протекционизма на рынке труда» Самарской области или Краснодарского края. Он ближе к логике «точечного регулирования», но в рамках устойчивого региона с диверсифицирующейся экономикой (категория «точечный протекционизм в условиях экономической устойчивости»). Основная цель – не массовое замещение, а управление конкретными рисками (безопасность на транспорте, суверенитет в производстве детского питания) без дестабилизации общего роста.

Анализ практики регулирования в Новосибирской области демонстрирует развитие модели Тюменской области, однако с адаптацией к сложному экономическому контексту. Открытое кодирование ежегодных постановлений выявило коды: «раннее введение запретов», «единый ежегодный нормативный акт», «сокращенный адаптационный период» (2 месяца), «персональный высокопоставленный контроль» и «поэтапное расширение перечня запретов».

Содержательный анализ позволил проследить динамику кода «точечное регулирование в социально-чувствительных сферах». В 2024 г. фокус был на розничной торговле алкоголем/такси. В 2025 г. добавлено дошкольное образование. Данные на 2026 г. подтверждают «поступательное расширение целевых запретов»: сохранены прежние запреты, а перечень запрещенных для работы мигрантов видов деятельности дополнен деятельностью социальных столовых и спортом.

Осевое кодирование позволило конкретизировать категорию до «точечного протекционизма в условиях структурных противоречий». Запреты применяются к стабильным сегментам. При этом органы региональной власти избегают давления на проблемные отрасли (код «осознание уязвимостей»). Ключевым контекстом выступили коды «стагнация промышленного сектора» и «уязвимость строительного комплекса» [24]. При этом «стабильность потребительского рынка» (рост оборота розничной торговли) и сферы услуг создавала пространство для избирательных ограничений.

Таким образом, Новосибирская область демонстрирует осознанно осторожную версию протекционизма. Однако в отличие от Тюменской области, действующей в условиях роста, политика Новосибирской области формируется в ответ на «структурные экономические противоречия». Запреты выполняют роль инструмента социальной стабилизации (защита занятости в рознице, такси, социальной сфере) и управления рисками (контроль за специфической продукцией), не усугубляя стагнацию в промышленности и строительстве.

Анализ ситуации в Приморском крае выявил особенности данного региона в рамках категории «системной политики протекционизма на рынке труда». Открытое кодирование постановлений 2024 и 2025 гг. зафиксировало «раннее введение запретов», «единый нормативный акт», «персональный высокопоставленный контроль». Также отметим коды, свидетельствующие об «усилении миграционной политики»: «позапное расширение перечня запретов» (с 7 до 36 позиций), «динамика сокращения переходных периодов» (с 6 до 1 мес.). Данные на 2026 г. подтверждают и усиливают эту тенденцию, демонстрируя код «масштабное расширение целевых запретов», а также «всеобъемлющий и расширяющийся перечень запретов», поскольку список увеличился до 88 позиций, охватывая практически все сферы экономики (код «включение системообразующей отрасли»).

Были выделены следующие блоки:

1. «Транспортная и логистическая блокада» (все виды пассажирских и грузовых перевозок, включая морские и воздушные).
2. «Промышленный и энергетический суверенитет» (производство кокса, химической продукции, лекарств, оружия, энерго- и водоснабжение).
3. «Кадровый суверенитет в социальной сфере» (образование, здравоохранение, социальные услуги).
4. «Контроль над финансовыми и информационными потоками» (финансовые услуги, ИТ, полиграфия, торговля специализированными товарами).

Для перечня запретов 2026 г. характерно и «избирательное исключение». Так, труд мигрантов допускается при производстве солода, безалкогольных напитков, а также в распределении пара и горячей воды.

Интеграция с социально-экономическим контекстом показала, что данная политика проводилась на фоне кода «неоднозначная экономическая ситуация»: рост оборота организаций, индекса промышленного производства и реальной заработной платы при низкой безработице в 2025 г. [25]. Однако стоит отметить общий спад в обрабатывающей промышленности и резкое падение в производстве электроники. При этом наблюдался рост в пищевой промышленности и стабильность в строительстве [25].

Таким образом, модель Приморского края относится к типу «системной политики протекционизма на рынке труда» аналогично Краснодарскому краю и Самарской области. Перечень

запретов (88 позиций в 2026 г.) охватывает широкий спектр отраслей, включая транспорт, промышленность, социальную сферу, финансы и ИТ. Значительное расширение перечня по сравнению с предыдущими годами (с 36 до 88 позиций) указывает на тенденцию к ужесточению, однако причинно-следственная связь с конкретными экономическими или политическими факторами требует дополнительного анализа.

Обсуждение

Анализ восьми кейсов показал достижение теоретического насыщения, так как новые данные не привнесли новых концептуальных категорий, а лишь конкретизировали выявленную логику. Это позволило перейти к интеграции категорий в целостную модель.

В результате постоянного сравнительного анализа была выделена центральная (ядерная) категория данного исследования – «решение региональной администрации по установлению запретов на труд мигрантов». Данная категория детерминирована комплексом экономических, социальных и геополитических условий, а также федеральными регуляторными ограничениями. Различия в решениях раскрываются через два ключевых параметра: охват запретов (число запрещенных видов деятельности и включение системообразующих отраслей), а также динамика изменений (расширение или стабилизация перечня). На основе этих параметров выделены три стратегии, различающиеся не столько целевыми приоритетами (все они в той или иной мере учитывают социальные риски и протекционизм), сколько готовностью органов региональной власти затрагивать критические для экономики отрасли и скоростью расширения ограничений в пределах, заданных федеральным центром:

1. «Точечное регулирование в целях общественной безопасности и управляемости» (Московская область, Санкт-Петербург). Политика характеризуется «отложенным введением запретов», «узким целевым перечнем», сфокусированным на социально-чувствительных сферах и исключением системообразующих отраслей (строительство, промышленность) из-под ограничений – «осознание уязвимостей». Перечень запретов стабилен во времени.

2. «Системная политика протекционизма на рынке труда» (Краснодарский край, Самарская область, Приморский край). Ключевыми кодами являются «раннее введение запретов», «всеобъемлющий и расширяющийся перечень», «включение системообразующих отраслей». Переходные периоды для бизнеса сокращены до минимума. При этом в ряде регионов (Самарская область) со временем отменяются исключения даже для низкоквалифицированных профессий.

3. «Точечная политика протекционизма на рынке труда» (Республика Ингушетия, Тюменская область, Новосибирская область). В отличие от системного протекционизма, здесь запреты не распространяются на отрасли, критически важные для региональной экономики, что указывает на более высокую чувствительность к экономическим рискам. Объединяющими кодами являются «осознание уязвимостей», «точечный и поэтапный характер запретов» и их «адаптация к специфическому социально-экономическому контексту». Эта стратегия сочетает отдельные протекционистские меры (запреты в такси, уличной торговле, социальной сфере) с исключением уязвимых отраслей (строительство, промышленность) из-под запретов.

Таким образом, эмпирические данные позволили выявить лежащую в основе региональной политики стратегическую логику, обусловленную специфическим сочетанием условий и контекста. Для интеграции этих элементов в единую схему и наглядного представления причинно-следственных связей между условиями, стратегиями, действиями и последствиями была построена модель (рис. 2).

Данная модель представляет собой итоговый продукт парадигмы кодирования и визуализирует сгенерированную обоснованную теорию, объясняющую вариативность региональных практик установления запретов на труд иностранных работников.

Источник: составлено автором/Source: compiled by the author.

Рис. 2. Модель региональной миграционной политики

Fig. 2. Model of regional migration policy

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить ключевые стратегии, формирующие региональные практики установления запретов на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов в Российской Федерации. Анализ восьми кейсов показал, что конкретные условия (экономическая динамика, уровень безработицы, отраслевая зависимость) формируют уникальный контекст, в котором принимается решение о характере и масштабе ограничений. При этом важно подчеркнуть, что все региональные решения учитывают жесткие рамки, заданные федеральным законодательством и постановлениями Правительства РФ, которые устанавливают предельные доли иностранных работников по отраслям. Таким образом, наблюдаемые стратегии представляют собой способы конкретизации единых федеральных ограничений с учетом местной специфики.

Результаты имеют прикладную ценность, раскрывая взаимосвязь миграционной политики с регулированием социального напряжения. Выявленные стратегии служат инструментами реагирования на вызовы, связанные с миграцией. Например, стратегия «точечного регулирования в целях общественной безопасности и управляемости» может быть рекомендована для регионов, где ключевым управленческим приоритетом является недопущение роста конфликтов в публичном пространстве. В свою очередь, протекционистские стратегии могут применяться в условиях, когда миграция воспринимается как прямая угроза экономическим интересам принимающего населения, а социальное напряжение является следствием конкуренции за рабочие места и ресурсы.

Наряду с этим исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, оно не оценивает экономическую эффективность запретов (например, привело ли это к росту занятости местного населения или к падению выпуска в отраслях). Во-вторых, все обозначенные связи между экономическими показателями и типом стратегии являются корреляционными, а не причинно-следственными. В-третьих, не анализировалась политическая составляющая (роль губернаторов, бизнес-лоббизм, партийные интересы), которая может быть самостоятельным фактором, влияющим на региональные запреты наряду с экономическими условиями.

Для углубленного понимания механизмов формирования стратегий дальнейшие исследования могли бы проверить гипотезы, сформулированные на основе анализа. Во-первых, можно предположить, что регионы с «точечным протекционизмом» характеризуются более длительным циклом подготовки запретов, что отражает поиск баланса между защитой рынка труда и рисками для уязвимых секторов. Во-вторых, представляет интерес проверка гипотезы о взаимосвязи типа региональной стратегии и характера публичного дискурса. Можно ожидать, что медиадискурс в регионе со стратегией «точечного регулирования в целях общественной безопасности» строится вокруг образов управляемого риска и безопасности. При этом для региона с «системной политикой протекционизма на рынке труда» ключевыми темами становятся трудовая конкуренция и кадровой суверенитет. В регионах с «точечной политикой протекционизма на рынке труда» публичная риторика, вероятно, носит более противоречивый характер, сочетая мотивы защиты занятости с осторожностью в оценке экономических последствий. Проверка данных предположений составляет отдельную исследовательскую задачу, требующую применения контент-анализа региональных СМИ и материалов социальных сетей. Кроме того, перспективным представляется анализ политических и институциональных факторов, в частности сравнительное изучение роли губернаторов и бизнес-ассоциаций в принятии решений о запретах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянова В.Р., Юшкина Т.В., Пилюгина Т.В. Актуальные вопросы миграционной политики социального государства: концепция, институциональные структуры и реализация. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 2025, № 8, С. 87–93. DOI: <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-8-35>. EDN: TNLDPO.
2. Ананьева О.С. Влияние турецких трудовых мигрантов на социально-экономическую и политическую жизнь Германии. *Флагман науки*, 2025, Т. 1, № 5-1 (28), С. 181–184. DOI: 10.37539/2949-1991.2025.28.5.055. EDN: ZLQPYF.
3. Fröhlich C. Migration as crisis? German migration discourse at critical points of nation-building. *American Behavioral Scientist*, 2025, Vol. 69, Iss. 6, P. 685–706. DOI: <https://doi.org/10.1177/00027642231182886>. EDN: YRKUCW.
4. Mahadevan J. Migration, ethnic otherness and the ‘refugee crisis’ in Germany: why more conflict is better integration, and how this reconfigures positive cross-cultural management scholarship. *International Journal of Cross Cultural Management*, 2024, Vol. 24, № 1, P. 41–58. DOI: <https://doi.org/10.1177/14705958241234568>. EDN: VODHYS.
5. Трудовые ресурсы, занятость и безработица. *Федеральная государственная статистическая служба*, 2025. URL: <https://clck.ru/3RKDSx> (дата обращения 16.03.2026).
6. Сафонова С.Г., Шейхова М.С. Демографическая ситуация в современной России: особенности, тенденции, прогнозы. *Московский экономический журнал*, 2024, Т. 9, № 9, С. 386–401. DOI: https://doi.org/10.55186/2413046X_2024_9_9_392. EDN: DCNCOX.
7. Бурда М.А. Механизмы регулирования внешней трудовой миграции в рамках имеющегося функционала субъектов Российской Федерации. *Право и политика*, 2024, № 8, С. 122–131. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2024.8.71462>. EDN: TWJVBG.
8. Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция в Россию: сокращение потоков на фоне мало меняющейся географии. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 2024, № 2, С. 223–232. DOI: https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_223-232. EDN: IUFKXT.
9. Ewers M.C., Khattab N., Babar Z., Madeeha M. Skilled migration to emerging economies: the global competition for talent beyond the West. *Globalizations*, 2022, Vol. 19, Iss. 2, P. 268–284. DOI: <https://doi.org/10.1080/14747731.2021.1882816>. EDN: CQIBUM.

10. Мансурова П.К. Общая характеристика государственной миграционной политики РФ в сфере трудовых отношений. Основы правового регулирования трудовых отношений иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ. *Вестник науки*, 2025, Т. 3, № 6 (87), С. 622–649.
11. Бурда М.А. Государственная миграционная политика Российской Федерации: особенности внешней миграции в постпандемийный период. *Социально-политические науки*, 2024, Т. 14, № 4, С. 109–117. DOI: <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-4-109-117>. EDN: OWFEBH.
12. Что на самом деле происходит с мигрантами в России и почему страна от них не откажется? *Migranto.ru*, 2025. URL: <https://clck.su/SxAkB> (дата обращения 16.05.2026).
13. Кучко Е.Е., Вишнякова М.В. Обоснованная теория как стратегия качественного исследования. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*, 2023, № 4, С. 43–48.
14. Среднегодовая численность трудовых ресурсов. *ЕМИСС*, 2024. URL: <https://clck.ru/3RKDS7> (дата обращения 16.03.2026).
15. Миграции населения в 2024 году: потоки ослабевают. *Эксперт РА*, 2024. URL: <https://clck.su/UEuYL> (дата обращения 16.05.2026).
16. Основные индикаторы социально-экономического развития Республики Ингушетия за 2025 год. *Контрольно-счетная палата Республики Ингушетия*, 2026. URL: <https://clck.su/RaGos> (дата обращения 19.05.2026).
17. Strauss A., Corbin J. *Basics of qualitative research: grounded theory procedures and techniques*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1998. 312 p.
18. Информация о социально-экономическом развитии Московской области за январь – август 2025 года. *Министерство экономики и финансов Московской области*, 2025. URL: <https://clck.ru/3RJnsM> (дата обращения 16.03.2026).
19. Итоги социально-экономического развития Санкт-Петербурга за январь–июль 2025 года. *Комитет по экономической политике и стратегическому планированию Санкт-Петербурга (КЭПИС)*, 2025. URL: <https://clck.ru/3RKDMn> (дата обращения 16.03.2026).
20. Основные показатели социально-экономического развития Краснодарского края в январе–августе 2025 года. *Министерство экономики Краснодарского края*, 2025. URL: <https://clck.ru/3RKDNZ> (дата обращения 16.03.2026).
21. Чапанов А.К. Миграционные процессы в информационном обществе: на примере республики Ингушетия. *Вестник РГГУ. Серия: документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность*, 2015, № 2 (145), С. 102–111. EDN: TNUQYH.
22. Основные показатели социально-экономического развития Самарской области в январе–августе 2025 года. *Министерство экономического развития и инвестиций Самарской области*, 2025. URL: <https://clck.ru/3RKDP9> (дата обращения 16.03.2026).
23. Итоги социально-экономического развития города Тюмени за 1 полугодие 2025 года. *Администрация города Тюмени*, 2025. URL: <https://clck.ru/3RKDK4> (дата обращения 16.03.2026).
24. Социально-экономическое положение Новосибирской области (январь–август 2025 года). *Новосибирскстат*, 2025. URL: <https://clck.ru/3RKDQc> (дата обращения 16.03.2026).
25. Социально-экономическое положение Приморского края за январь–август 2025 года. *Приморскстат*, 2025. URL: <https://clck.ru/3RKDRc> (дата обращения 11.10.2025).

Информация об авторах

Светлана Владимировна Ровбель, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социологии факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, Российская Федерация, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56; govbel_s@mail.ru

Андрей Игоревич Николаев, магистрант департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20; anignikolaev@edu.hse.ru

Поступила в редакцию: 17.03.2026

Поступила после рецензирования: 08.05.2026

Принята к публикации: 25.08.2026

REFERENCES

1. Averyanova V.R., Yushkina T.V., Pilyugina T.V. Actual issues of social state migration policy: concept, institutional structures, and implementation. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 2025, no. 8, pp. 87–93. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-8-35>. EDN: TNLDPO.

2. Ananyeva O.S. The impact of Turkish labor migrants on the socio-economic and political life of Germany. *Flagman nauki*, 2025, vol. 1, no. 5-1 (28), pp. 181–184. (In Russ.) DOI: 10.37539/2949-1991.2025.28.5.055. EDN: ZLQPYF.
3. Fröhlich C. Migration as crisis? German migration discourse at critical points of nation-building. *American Behavioral Scientist*, 2025, vol. 69, Iss. 6, pp. 685–706. DOI: <https://doi.org/10.1177/00027642231182886>. EDN: YRKUCW.
4. Mahadevan J. Migration, ethnic otherness and the ‘refugee crisis’ in Germany: why more conflict is better integration, and how this reconfigures positive cross-cultural management scholarship. *International Journal of Cross Cultural Management*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 41–58. DOI: <https://doi.org/10.1177/14705958241234568>. EDN: VODHYS.
5. Labor resources, employment and unemployment. *Federal State Statistics Service*, 2025. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3RKDSx> (accessed: 16 March 2026).
6. Safonova S.G., Sheikova M.S. Demographic situation in modern Russia: features, trends, forecasts. *Moscow Economic Journal*, 2024, vol. 9, no. 9, pp. 386–401. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.55186/2413046X_2024_9_9_392. EDN: DCNCOX.
7. Burda M.A. Mechanisms for regulating external labor migration within the framework of the existing functionality of the regions of the Russian federation. *Law and Politics*, 2024, no. 8, pp. 122–131. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2024.8.71462>. EDN: TWJVBG.
8. Florinskaya Yu.F. Labor migration to Russia: reduction of flows accompanied by a little-changing geography. *Journal of the New Economic Association*, 2024, no. 2, pp. 223–232. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_223-232. EDN: IUFKXT.
9. Ewers M.C., Khattab N., Babar Z., Madeeha M. Skilled migration to emerging economies: the global competition for talent beyond the West. *Globalizations*, 2022, vol. 19, Iss. 2, pp. 268–284. DOI: <https://doi.org/10.1080/14747731.2021.1882816> EDN: CQIBUM
10. Mansurova P.K. General characteristics of state migration policy of Russia in field of labor relations. Fundamentals of legal regulation of labor relations between foreign citizens and stateless persons in Russia. *Bulletin of Science*, 2025, vol. 3, no. 6 (87), pp. 622–649. (In Russ.)
11. Burda M.A. State migration policy of the Russian Federation: features of external migration in the post-pandemic period. *Sociopolitical sciences*, 2024, vol. 14, no. 4, pp. 109–117. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-4-109-117>. EDN: OWFEBH.
12. What is really happening with migrants in Russia and why the country will not abandon them. *Migranto.ru*, 2025. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/SxAkB> (accessed: 16 May 2026).
13. Kuchko E.E., Vishnyakova M.V. Grounded theory as a qualitative research strategy. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*, 2023, no. 4, pp. 43–48. (In Russ.)
14. Average annual number of labor resources. *Unified Interdepartmental Statistical Information System (EMISS)*. 2024. (In Russ.). Available at: <https://clck.ru/3RKDS7> (accessed: 16 March 2026).
15. Migration of population in 2024: flows weaken. *Expert RA*, 2024. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/UEuYL> (accessed: 16 May 2026).
16. Main indicators of socio-economic development of the Republic of Ingushetia for 2025. *Audit Chamber of the Republic of Ingushetia*, 2026. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/RaGos> (accessed: 19.05.2026).
17. Strauss A., Corbin J. *Basics of qualitative research: grounded theory procedures and techniques*. Thousand Oaks, CA, Sage Publications, 1998. 312 p.
18. Information on the socio-economic development of the Moscow Region for January – August 2025. *Ministry of Economy and Finance of the Moscow Region*, 2025. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3RJnsM> (accessed: 16 March 2026).
19. Results of the socio-economic development of St. Petersburg for January – July 2025. *Committee on Economic Policy and Strategic Planning of St. Petersburg (KEPiSP)*, 2025. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3RKDMn> (accessed: 16 March 2026).
20. Main indicators of socio-economic development of the Krasnodar Territory in January – August 2025. *Ministry of Economy of the Krasnodar Territory*, 2025. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3RKDNZ> (accessed: 16 March 2026).
21. Chapanov A.K. Migration processes in the information society (for example, the republic of Ingushetia). *RSUH Bulletin. Series: Documentation and Archival Science. Computer Science. Information Protection and Information Security*, 2015, no. 2 (145), pp. 102–111. (In Russ.) EDN: TNUQYH
22. Main indicators of socio-economic development of the Samara Region in January-August 2025. *Ministry of Economic Development and Investments of the Samara Region*, 2025. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3RKDP9> (accessed: 16 March 2026).
23. Results of the socio-economic development of the city of Tyumen for the 1st half of 2025. *Tyumen City Administration*, 2025. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3RKDK4> (accessed: 16 March 2026).
24. Socio-economic situation of the Novosibirsk Region (January–August 2025). *Novosibirskstat*, 2025. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3RKDQc> (accessed: 16 March 2026).

25. Socio-economic situation of Primorsky Krai for January–August 2025. *Primorskstat*, 2025. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3RKDRc> (accessed: 11 October 2025).

Information about the authors

Svetlana V. Rovbel, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management, 56, Kamenskaya street, Novosibirsk, 630099, Russian Federation; rovbel_s@mail.ru

Andrey I. Nikolaev, Master Student, National Research University “Higher School of Economics”, 20, Myasnitskaya street, Moscow, 101000, Russian Federation; anignikolaev@edu.hse.ru

Received: 17.03.2026

Revised: 08.05.2026

Accepted: 25.08.2026